ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

† 18 ноября 1881 г.

Николай Николаевичъ былъ камеръ-пажемъ, когда произошло событіе 14 декабря 1825 года, и финляндскій полкъ привлекъ на себя вниманіе императора Николая. Полкъ этотъ былъ изъ самыхъ забытыхъ въ гвардіи. Желая поднять его на общественной лѣстницѣ, государь высказалъ желаніе, чтобы пажи не пренебрегали имъ, и вотъ Н. Н. началъ въ немъ службу, хотя могъ бы достать вакансію и въ 1-й дивизіи.

Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ нѣкоторое время въ отставкѣ; но родственникъ его, генералъ Головинъ, ставъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, вызвалъ его вновь на службу, и послѣдняя была блистательна. Бывшій начальникъ Черноморской береговой линіи, генералъ Анрепъ, напр. писалъ Головину: „Не могу быть достаточно благодарнымъ вашему высокопревосходительству за назначеніе начальникомъ 3-го отдѣленія линіи (въ Сухумѣ) такого превосходнаго, высокодаровитаго штабъ-офицера, какъ полк. Муравьевъ". Я самъ читалъ эту бумагу въ дѣлахъ кавказскаго штаба и прибавлю, что отзывъ Анрепа оправдывался тѣмъ, что при Муравьевѣ были совершенно покорны убыхи т. е. тѣ изъ горцевъ западнаго Кавказа, которые потомъ дольше всѣхъ прочихъ оставались враждебными намъ и никогда не были покорены оружіемъ. Эта административная умѣлость и обратила на Муравьева вниманіе императора Николая, который произвелъ его въ генералы и потомъ отправилъ губернаторомъ въ Тулу, давъ сначала случай ознакомиться съ гражданскими дѣлами при ревизіи Новгородской губерніи.

Въ Тулѣ Николай Николаевичъ оставался не долго; но онъ первый изъ всѣхъ русскихъ губернаторовъ поднялъ тамъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Девять помѣщиковъ, въ томъ числѣ кн. Голицынъ и одинъ изъ Норовыхъ, подписали приготовленный по внушенію Муравьева адресъ государю объ освобожденіи крестьянъ. Императоръ былъ очень доволенъ, но повелѣлъ продолжать дѣло съ крайнею осторожностью и прежде всего добиться бо̀льшаго числа помѣщичьихъ подписей подъ адресомъ. А какъ таковыхъ собрать не удалось, то дѣло кануло въ воду. Только государь не забылъ „либерала и демократа", т. е. по про̀сту благороднаго, человѣколюбиваго губернатора, и въ 1848 г., молодымъ генералъ-маіоромъ, послалъ его управлять восточной Сибирью.

Это было своего рода событіемъ. Разные gros bonnets въ Петербургѣ находили, что это скандалъ. Въ Омскѣ, когда ген.-губ. западной Сибири кн. Горчаковъ узналъ, что у него сосѣдомъ будетъ молодой человѣкъ, 38 лѣтъ, то пришолъ въ азартъ. Увидавъ явившагося на дежурство чиновника Б-ва, онъ закричалъ ему: „поздравляю тебя, Б-въ,—ты министръ!" А когда Б-въ, молодой человѣкъ, вытаращилъ отъ удивленія глаза, то прибавилъ: „ты не вѣришь? Вотъ тебѣ доказательство: Муравьевъ, такой же мальчишка какъ ты, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ..." Это тотъ самый Горчаковъ, что былъ удаленъ изъ Сибири по ревизіи Анненкова и потомъ подвизался подъ Альмой и Инкерманомъ.

О генералъ-губернаторствѣ Н. Н. Муравьева въ Сибири я уже не мало говорилъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ объ Амурѣ"; но не могу не прибавить еще одного-двухъ фактовъ, которые, по весьма понятной причинѣ, не могъ обнародовать при его жизни. Весною 1857 г., въ Читѣ, представлялись ему мѣстные чиновники и, между прочимъ, строители многихъ казенныхъ зданій въ только что возникавшемъ областномъ городѣ. Николай Николаевичъ совѣтовалъ имъ быть возможно экономными при составленіи смѣтъ и дѣйствительной постройкѣ зданій. Кто-то сослался на то, что смѣты, по необходимости, составляются на основаніи „Урочнаго Положенія".—„Ахъ, не говорите мнѣ пожалуйста про эту гнусную книгу: вѣдь она сочинена графомъ К., чтобы обкрадывать государство. Мы съ вами можемъ дѣлать и что-нибудь лучшее".

Рѣзкость Муравьева заходила иногда и дальше порицаній

отставныхъ министровъ. Въ 1856 году, при коронаціи, князь Барятинскій, стоявшій ниже его по спискамъ генералъ-лейтенантовъ былъ произведенъ въ полные генералы. Николай Н-чъ тотчасъ подалъ въ отставку, и того же попросилъ другой, не менѣе извѣстный правдивостью генералъ-губернаторъ и генералъ-лейтенантъ, кн. С. Государь не принялъ этихъ просьбъ; но какъ они были единственными отъ всѣхъ обойденныхъ Барятинскимъ, то князь С. при встрѣчѣ съ Муравьевымъ во дворцѣ сказалъ ему: „мы съ вами, Н. Н-чъ, кажется, одни въ Россіи генералъ-лейтенанты; остальные — лакеи“. Князю С., издавно извѣстному подобными выходками, это прошло; но на Муравьева нѣкоторое время косились.

Въ 1861 г., вслѣдствіе непринятія проэкта Н. Н-ча о раздѣленіи восточной Сибири и Амурскаго края на два генералъ-губернаторства, онъ попросилъ объ увольненіи отъ должности, которую 13 лѣтъ занималъ со славою и пользою для страны [1]). Съ этого времени собственно начинается его недѣятельная жизнь, которая и продолжалась 20 лѣтъ. Но въ его способностяхъ къ широкой и плодотворной дѣятельности не сомнѣвались даже люди, въ сущности его нелюбившіе: ему было предлагаемо управленіе Польшею и Кавказомъ.

Отъ перваго назначенія онъ отказался словами: „пусть мнѣ скажутъ сначала: чего хочетъ правительство въ Варшавѣ: искренняго мира или полицейскаго спокойствія и порядка? уступокъ полякамъ или усмиреніе ихъ? Тогда я пойду. А вилять—не въ моемъ характерѣ“. Это было въ злополучный періодъ колебаній правительства, когда не одинъ Муравьевъ, отъ природы горячій и рѣзкій, уклонялся отъ назначенія въ Польшу, но и очень мягкій Тучковъ и многіе другіе...

Кавказъ былъ предложенъ покойному графу, когда было рѣшено увольненіе князя Барятинскаго. Одинъ вліятельный генералъ получилъ порученіе спросить Николая Николаевича, пойдетъ ли онъ на намѣстническое мѣсто въ Тифлисъ?—„Какъ! развѣ князь Баря-

---

[1]) Нѣсколько иной выводъ дѣлаетъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ въ своей обширной монографіи: „Амурское дѣло и его вліяніе на Восточную Сибирь и Государство“. См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. томъ XXXII, стр. 75—110; 387—418. Нравственная личность и государственная дѣятельность гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго слишкомъ выходитъ изъ ряда, чтобъ не вызывать самыхъ разностороннихъ сужденій. Ред.

тинскій умеръ?" отвѣчалъ, вскочивъ со стула, Муравьевъ. „Нѣтъ, но онъ увольняется отъ должности". Такъ, помилуйте, какъ же я могу быть его преемникомъ? Вѣдь вліяніе его при дворѣ сохранится, и здѣсь, въ Петербургѣ, на все кавказское будутъ смотрѣть его глазами, такъ что я, намѣстникъ, буду пѣшкою.— „Что же я долженъ сказать тѣмъ, которые мнѣ поручили спросить васъ"?—А то и скажите, что слышали; да прибавьте, что по мнѣнію моему послѣ князя Барятинскаго самостоятельнымъ правителемъ Кавказа можетъ быть только членъ императорской фамиліи.

Такъ оно и случилось. Муравьевъ же былъ преданъ забвенію.

Но полное забвеніе было невозможно, не смотря на стараніе многихъ редакторовъ и докладчиковъ номерныхъ бумагъ. За изгнанника rue Miromenil не разъ вступался кто-то, кто умнѣе Вольтера, т. е. общественное мнѣніе. А пріѣзжіе въ Парижъ русскіе искали какъ особой чести и удовольствія встрѣчаться съ старикомъ-юношей.

И онъ высоко цѣнилъ это вниманіе, особенно со стороны сибиряковъ, иногда привозившихъ ему байкальскихъ омулей и амурскіе яблоки, иногда присылавшихъ сочувственные телеграмы. Переставъ начальствовать, онъ сталъ симпатичнѣйшимъ человѣкомъ, какимъ былъ отъ природы. Чтó напр. былъ для него я, какъ не капризный штабсъ-капитанъ, ушедшій со службы изъ восточной Сибири довольно рѣзкимъ маneромъ и даже вызвавшій, въ 1858 г., его замѣчаніе: „онъ со мною не хочетъ служить". Однако, сколько разъ имѣлъ я удовольствіе, въ 1876—1877 годахъ, принимать его у себя, въ крошечной комнаткѣ скромнаго отеля Saint-Roch? И мы часами бесѣдовали не объ одномъ прошломъ, а о современномъ и грядущемъ Россіи, особенно азіятской, о ихъ благѣ и счастіи, такъ упорно имъ недающимся.

Что нѣкоторые соперники старались набросить на Муравьева тѣнь забвенія, это понятно. Онъ кололъ имъ глаза, онъ третировалъ ихъ en canaille. Такъ нѣкто N. N., теперь, кажется, то же умершій, являлся довольно часто въ Парижъ соглядатайствовать въ тамошнемъ высшемъ русскомъ обществѣ, а вмѣстѣ и развлекаться съ дамами полусвѣта. Никалай Николаевичъ не пускалъ его къ себѣ и, разумѣется, тотъ оглашалъ его потомъ въ Петербургѣ человѣкомъ „непримиримой оппозиціи".

Парижъ. М. И. Венюковъ.